

07.00.02
Б877

На правах рукописи

Бредихин Андрей Иванович

**ДРЕВНЕЙШИЕ ОБЯДЫ В ТРАДИЦИОННОЙ
ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИИ
И РОЛЬ КУЛЬТА ПРЕДКОВ В ИХ РАЗВИТИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ XIX – XX в.)**

Специальность 07.00.02 – «Отечественная история»

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Челябинск
2002

Работа выполнена на кафедре истории
Южно-Уральского государственного университета.

Научный руководитель – доктор исторических наук,
доктор искусствоведения
профессор Н. П. ПАРФЕНТЬЕВ.

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
профессор С. С. СМИРНОВ;

кандидат исторических наук,
доцент Л. В. ШУБАРИНА.

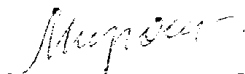
Ведущее учреждение – Челябинская государственная
академия культуры и искусства.

Защита диссертации состоится октября 2002 г., в 14.00 часов, на заседании регионального диссертационного совета КМ 212.298.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук в Южно-Уральском государственном университете (454080, г. Челябинск, просп. им. В.И.Ленина, 76, каб. 442).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Южно-Уральского государственного университета (просп. им. В.И.Ленина, 87).

Автореферат разослан «___» _____ 2002 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук,
доцент

М.И.Мирошниченко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Последнее десятилетие в истории России характеризуется важными переменами не только в государственном и общественном устройстве, но и в духовной жизни и сознании людей. Эти процессы дали возможность современным историкам по-новому взглянуть на прошлое в культурно-историческом развитии страны, на истоки многих явлений ее духовной культуры. В современном обществе существует устойчивый интерес к исконно народным верованиям, поверьям и даже суевериям, а также связанным с ними обрядам и празднованиям. Однако большую часть существующей литературы по этой теме составляют популяризаторские интерпретации, издания, носящие описательный характер. Вместе с тем, создана база источников, позволяющая предпринять научное изучение проблемы с позиций новых подходов и методов исследования. Кроме того, благодаря имеющейся в настоящее время возможности привлечения материалов специальных исследований в области истории, этнографии, археологии и фольклора можно попытаться решить еще одну важную проблему исторической науки – реконструировать хотя бы наиболее значительные древнейшие народные обряды.

К сожалению, демократические процессы наряду с позитивными изменениями вызвали к жизни явления межнациональной розни. Поэтому нам представляется крайне важным попытаться выявить ту общую основу, которая сможет послужить связующим элементом многих национальных культур. Сегодня, когда в нашем обществе остро ощущается проблема утраты духовных ценностей и ориентиров, обращение к общим истокам народной жизни представляется особенно актуальным.

Степень изученности проблемы. Тема происхождения, развития и содержания русской обрядовой культуры была и остается актуальной в отечественной науке. Историческое развитие российского общества на протяжении последних столетий сопровождалось различного рода катаклизмами политического и духовного характера, что не могло не сказаться на становлении гуманитарных наук. В этой связи формирование концепций генезиса и эволюции русской обрядовой традиции происходило под воздействием множества факторов, по-разному влиявших на их объективность.

Преобладанием тех или иных идеологических установок во многом определялся не только сам предмет научного интереса, но и методологическая основа его изучения. Вплоть до начала XIX в. отношение официальных, а особенно церковных властей к народным обрядам, сохранившимся с языческих времен, продолжало оставаться негативным. По этой причине научные исследования по данной теме вплоть до 50-х гг. XIX в. практически отсутствуют. Но и работы второй половины XIX – начала XX в., несмотря на привлечение авторами широкого круга источников, не могут на сегодняшний день считаться удовлетворительными. Это обусловлено, во-первых, отсутствием состоятельной методологической базы; во-вторых, Южно-исследователи не спешили выходить за рамки господствовавших в то время концепций генезиса

русской обрядовой культуры. Кроме того, не нужно забывать, что обращение к истокам народной жизни проходило на фоне борьбы идейных течений западников и славянофилов, нашедшей свое отражение в творческой позиции многих ученых.

Отметим также, что изучение истории национальной обрядовой культуры издавна не ограничивалось рамками какой-либо одной науки. Уже в XIX в. в той или иной степени к данной теме проявляли интерес историки, археологи, этнографы, фольклористы, диалектологи, славистики, землеведы и даже статистики. Это объясняется слабым развитием отдельных отраслей знаний, а также тем, что ученые, работавшие в данной области, представляли различные кафедры российских университетов и учреждений Академии наук.

Начальный этап в изучении истории русской обрядовой культуры отмечен работами И.П.Сахарова¹ и И.М.Снегирева². Эти труды нельзя назвать строго научными или исследовательскими, так как авторы не делают попыток объяснить происхождение обрядов, их эволюцию и назначение. В работах нет какого-либо определенного теоретического обобщения, они носят чисто описательный характер. Однако несмотря на это наблюдения и материалы, содержащиеся в них, представляют значительный научный интерес, благодаря своей достоверности и несомненной информативности.

Автором еще одного крупного труда того времени является А.А.Терещенко, который наряду с собственными материалами широко использовал сведения, содержащиеся в работах И.П.Сахарова и И.М.Снегирева. Вместе с тем работа также не выходит за рамки описания явлений русских народных обрядовых традиций³.

Первые попытки научного осмысления полученных материалов связаны с работами представителей мифологического направления в изучении народной духовной культуры А.Н.Афанасьева, Ф.И.Буслаева, А.А.Потебни.

А.Н.Афанасьев был наиболее последовательным сторонником солярной теории, полагавшим, что генезис всех обрядов крестьянского календарного цикла восходит к когда-то господствовавшей у славян религии поклонения солнцу. Для своего времени труд А.Н.Афанасьева представлял определенный интерес, благодаря предпринятой попытке сравнительного исследования духовной культуры восточных славян с мифологическими представлениями других родственных народов⁴. С позиции современного исследователя примененная ученым методология не выдерживает критики, в связи с чем научное значение работы следует признать в значительной степени утраченным.

¹ Сахаров И.П. Сказания русского народа о семейной жизни своих предков. СПб., 1836–1837. Ч.1–3.

² Снегирев И.М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М., 1837–1839. Вып.1–4.

³ См.: Терещенко А.А. Быт русского народа. М., 1847—1848. Т.1—7.

⁴ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1866–1869. Т.1–3.

Ф.И.Буслаев достаточно известен исследованиями в области эпической поэзии, однако предметом его научного интереса являлись и народные календарные праздники. Как и А.Н.Афанасьев, он придерживался солирной теории и проповедовал мифическую доктрину происхождения искусства⁵.

Небольшие работы украинского филолога А.А.Потебни также проникнуты идеями мифологической школы⁶.

К концу 60-х гг. XIX в. становится все более очевидным, что научная разработка проблем, связанных с изучением русской обрядовой и духовной культуры, не может продуктивно осуществляться в рамках мифологического направления. На смену ему приходит школа заимствования.

Наиболее ярким ее представителем был А.Н.Веселовский⁷. Используя богатый фактический материал, представленный произведениями устной народной прозы, автор приходит к выводу о генетическом родстве славянской и общеевропейской культурной традиции. Прямым его последователем следует считать Е.В.Аничкова, обосновывавшего вывод о заимствовании славянами своих культов в Западной Европе⁸.

Из материалов, опубликованных в последнем десятилетии XIX в., особо выделяются работы П.В.Шейна⁹. Его труды не являются строго исследовательскими, автор не задается целью разрешить проблемы генезиса и толкования комплекса русской обрядовой культуры. Однако, благодаря исключительной информативной ценности, сведения, представленные П.В.Шейном, до сих пор имеют важное научное значение.

В это же время появляются первые статьи Д.К.Зеленина, спектр интересов которого был чрезвычайно широк¹⁰. На всем протяжении своего научного творчества Д.К.Зеленин отдавал предпочтение изучению духовной сферы народной жизни. В работах по духовной культуре ему удалось выдвинуть ряд интересных гипотез и остроумных догадок. Он предложил свой методологический «инструмент» для эффективного решения проблем изучения истории народных верований и обрядов: «Все почти исследователи, занимавшиеся русской мифологией, шли от старого к новому, исходили из исторических известий о древнерусском языческом Олимпе и старались пристегнуть к этим старым известиям данные современных русских поверий.

⁵ Буслаев Ф.И. Старина и новизна. Лекции // Исторический сборник, издаваемый, при Обществе ревнителей русского исторического просвещения. М., 1904. Кн.8.

⁶ Например, см.: Потебня А.А. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий // Чтения Московского общества истории и археологии России, 1865. Вып. 2–3.

⁷ Веселовский А.Н. Разыскания в области русского духовного стиха. СПб., 1879–1891. Вып.1–6.

⁸ Аничков Е.В. Весенняя обрядовая песня на западе у славян. СПб., 1903. Ч.1.

⁹ Шейн П.В. Великорусс в его песнях, обрядах, обычаях, верованиях, легендах и т.п. СПб., 1898–1900; Он же. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1887–1902.

¹⁰ См.: Толстой Н.И. Труды Д.К. Зеленина по духовной культуре // Зеленин Д.К. Статьи по духовной культуре (1901–1916). М., 1994. С. 9.

Наш путь совсем иной. Отправной точкой для нас всегда и везде были современные верования и обряды русского народа. С ними мы сопоставляем исторические известия, если таковые имеются. И вообще мы идем не от старого к новому, а от нового, нам современного и более нам близкого – к старому, исчезнувшему, пятясь вглубь истории»¹¹.

Д.К.Зеленин полагал, что сравнительно-историческое исследование может быть эффективным только тогда, когда ему предшествует классификация типических форм современной народной культуры. Другими словами, ученый настаивал на необходимости сочетания сравнительно-исторического исследования с синхронно-типологическими изысканиями. Методология, предложенная Д.К.Зелениным, являлась, безусловно, новаторской для своего времени и это особенно заметно при ее детальном сравнении с научным арсеналом современников.

Так, заявление французского лингвиста-компаративиста А.Мейе, сделанное в 1924 г. в отношении возможностей сравнительно-исторического метода, является довольно общим и не дает представления о его научно-практическом применении¹². Взгляды Мейе и Зеленина расходились по важному вопросу: реально ли в наши дни произвести достоверную реконструкцию пракультуры и праобряда. Мейе утверждал, что единственной реальностью, с которой имеет дело наука, это *соответствия* культурных объектов, наблюдаемых в современности. «Соответствия, – по мнению Мейе, – предполагают общую основу, но об этой общей основе можно составить себе представление только путем гипотез, которые проверить нельзя»¹³. Другого мнения придерживался Зеленин. Хотя он и не задавался целью реконструировать древнейшую идеологию и ритуалы, но все же определенно стремился проникнуть как можно глубже в историю традиционной славянской обрядности.

В своих ранних трудах Д.К.Зеленин шел по пути сознательного самоограничения, намеренно сужая территориальные и хронологические рамки исследований. Ученый понимал, что для построения определенных теоретических концепций необходимо привлечение более широкого круга сравниваемых фактов, а между тем, состояние научной разработанности проблем славянской духовной культуры на начало XX в. было неудовлетворительным.

В 1930 г. научный подход и методология Д.К.Зеленина претерпевают значительные изменения. В это время он решительно отказывается от ограничения исследования рамками одного этноса и широко использует

¹¹ Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии. Вып.1: Умершие неестественной смертью и русалки. Пг., 1916. С.16.

¹² Сравнение может применяться для достижения двух различных целей: чтобы обнаружить общие закономерности или чтобы добыть исторические сведения. См.: Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954, С.11.

¹³ Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938. С.73–74.

материалы многих других народных традиций¹⁴. В середине 30-х гг. ученый, видимо, под влиянием идей создателя «нового учения о языке» Н.Я.Марра выдвигает довольно спорную, с научной точки зрения, концепцию о стадийном развитии обрядов. Д.К.Зеленин пытается подойти к пониманию смысла древнейших ритуалов и верований в связи с выяснением стадии общественно-экономической формации, в которой изучаемый обряд был живым и органически выросшим¹⁵. Автор предлагает изучать обряды «вместе с той системой идеологии, в связи с которой данный отдельный обряд развивался». При этом Зеленин отстаивает положение, согласно которому бытующий в народе обряд формируется под влиянием общественной среды и развивается вместе с нею¹⁶. Делается вывод о соответствии начального периода культурного становления европейских народов современному тогда уровню развития африканских или австралийских аборигенов. С таким выводом трудно согласится по той причине, что обрядовые, или как говорит Зеленин, идеологические пережитки, характеризуются крайней устойчивостью, а также огромным многообразием местных особенностей и проявлений, зачастую необъяснимых с универсальных позиций.

Несмотря на неоднозначность и спорность многих положений, выдвинутых Д.К.Зелениным, его труды имеют непреходящую ценность. В большинстве из них собранные материалы представлены в виде самостоятельных разделов, а авторские выводы составляют особые разделы. Подобная структура работ облегчает положение современного исследователя и позволяет ему активно использовать собранные Зелениным сведения в своих теоретических обобщениях и построениях.

Видное место среди исследователей, работавших в данном направлении, принадлежит и В.И.Чичерову, основателю трудовой концепции происхождения русских аграрных обрядов. В докторской диссертации, посвященной изучению зимних календарных праздников, он делает вывод о трудовой основе возникновения земледельческих обрядов¹⁷. К сожалению, В.И.Чичеров не охватил всего годового цикла аграрных праздников, в связи с чем вопросы генезиса и эволюции многих исторических обрядовых реликтов остались нерешенными.

Последовательным сторонником трудовой концепции был В.Я.Пропп. Спектр научных интересов ученого отличается чрезвычайной широтой. Его вклад в изучение обрядовой культуры русских календарных праздников трудно переоценить. Именно Пропп, впервые рассмотрел весь годовой круг

¹⁴ См.: Зеленин Д.К. Загадочные водяные демоны «шудликаны» у русских. // *Lud slowanski*. Krakow, 1930. Т.1. З.2. Dz. В. S.220; Он же. Магическая функция примитивных орудий // *Известия АН. Серия 7. Отделение гуманитарных наук*, 1931. № 6. С.751.

¹⁵ Зеленин Д.К. Истолкование пережиточных религиозных обрядов // *Советская этнография*, 1934. № 5. С.3.

¹⁶ См.: Там же. С.4.

¹⁷ Чичеров В.И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX вв. // *Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия*, 1957. Т.40.

крестьянского календаря, предварительно выявив составные элементы каждого праздника¹⁸.

Строго говоря, ученый использует метод, сформулированный еще Д.К.Зелениным. Он не стремится последовательно рассмотреть и объяснить обрядовую составляющую каждого праздника, как это делали предшественники. Ученый проводит предварительный синхронно-типологический анализ. Решив таким образом задачи «чисто классификационного и типологического свойства», изучив составные элементы каждого праздника, автор приступает к изучению «всего хода каждого праздника уже на более широкой и углубленной основе»¹⁹. В числе неотъемлемых элементов аграрных праздников Пропп называет обычаи поминовения усопших, обряды театрализованных похорон и свадеб, ритуальные игры и увеселения. Опираясь в своем исследовании на богатый источниковый материал, он находит однородные, генетически тождественные элементы в каждом календарном праздновании. Правда, как замечает сам Пропп, при таком методе оказывается нарушенной цельность картины каждого из праздников, однако «такое затруднение – есть затруднение не принципиального характера».

Фундаментом русской аграрной обрядности, по мнению автора, является трудовая деятельность первых земледельцев, основанная на почитании предков. К сожалению, на момент публикации труда еще не были проведены сравнительно-типологические исследования многих ритуальных реликтов, впоследствии доказавшие их поминальную направленность. В связи с этим данное Проппом описание славянского заупокойного культа, по нашему мнению, может быть существенно дополнено.

Исследования второй половины 50–80-х гг. несмотря на некоторую идеологическую ангажированность значительно обогатили и расширили данные исторической науки по проблематике истории древнейших русских верований и обрядов. В этой связи нельзя не отметить обобщающие работы С.А. Токарева²⁰ и Б.А. Рыбакова²¹, выполненные в рамках трудовой концепции. Если работы этнографа Токарева носят, главным образом, описательный характер и не раскрывают вопросов формирования и эволюции народной обрядовой культуры, то труды Б.А. Рыбакова остаются наиболее авторитетными исследованиями в области изучения основ славянского язычества и его обрядов.

Б.А. Рыбаков впервые разрабатывает комплексный подход при использовании разнородных источников. Его научный метод состоит в необходимости выявления и реконструкции не только мышления древних людей, но и их мировоззрения, в определении эволюции в представлениях народа картины мира, в установлении хронологической и стадийной

¹⁸ Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963.

¹⁹ Там же. С. 16.

²⁰ Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX вв. М.; Л., 1957; Он же. Обычаи и обряды, как объект этнографического исследования // Советская этнография. 1980. № 3.

²¹ Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981; Он же. Язычество Древней Руси. М., 1987.

стратиграфии языческих представлений и культов. Однако автор не видит единой основы в календарно-праздничных обрядах. Так, празднование Коляды он возводит к культу Лады и Лели. Особо выделяется им двенадцатидневный святочный комплекс, как вобравший в себя элементы почти всех обрядов, которые предстоит выполнить в будущем году. По мнению ученого, Святки – это «оглавление» двенадцати месяцев года: на каждый месяц приходится один день Святки²². Русалии он рассматривает как общеславянские или даже индоевропейские праздники, связанные с молениями о дожде и рождении колосьев. Ученый не объясняет природы обрядовых масок, полагая, что «эти своеобразные предметы служили в свое время реквизитами какого-то обряда, связанного с небесным божеством»; не отмечает он и поминальный характер блинов, придерживаясь мнения, что они «являются символом солнца и их изготовление и коллективное поедание отмечало победу дня над ночью, света над тьмою»²³. В исследованиях автор в большей степени пользовался археологическими источниками и предметами прикладного искусства, но при этом указывал на необходимость привлечения дополнительных материалов, содержащих описание древних праздников и обрядов.

Древнеславянские языческие обряды попытались реконструировать с позиций семиотики В.В.Иванов и В.Н.Топоров²⁴. Несомненный интерес представляют также труды языковедов Н.И. и С.М. Толстых²⁵. Ведущее место в разработке проблем генезиса мифологических персонажей русского фольклора занимают работы Э.В.Померанцевой²⁶.

Последовательным использованием структурно-семиотического метода отличаются работы А.К.Байбурина²⁷, Г.А.Левинтона²⁸, Л.Ивлевой²⁹.

Различные аспекты русской обрядовой культуры продолжают привлекать к себе внимание современных историков, этнографов, филологов, искусствоведов. В последние годы выходят и научно-популярные работы³⁰.

Таким образом, проблемы истории развития и содержания русской народной обрядовой культуры были и остаются актуальными в отечественной науке. До сих пор не сложилось единого мнения по поводу происхождения

²² Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. С.664.

²³ Там же. С.668.

²⁴ Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие системы. Древний период. М., 1965; Они же. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М., 1974.

²⁵ Толстых Н.И., Толстых С.М. Заметки по славянскому язычеству: вызывание дождя в Полесье // Славянский и балканский фольклор. Генезис. Архаика. Традиции. М., 1978; Они же. Первый гром в Полесье. Защита от града в Полесье // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982.

²⁶ Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975.

²⁷ Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983; Он же. Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993; и др.

²⁸ Левинтон Г.А. Ритуалы и ритуализированные формы поведения // Рациональность и семиотика поведения. Киев, 1988; и др.

²⁹ Ивлева Л. Ряженье в русской традиционной культуре. СПб., 1994.

³⁰ Напр., см.: Панкеев И.А. Обычай и традиции русского народа. М., 1999. Он же: Русские праздники М., 1999.

русских календарно-праздничных и бытовых обрядов. К примеру, должным образом не исследована обрядность купальского цикла, нет специальных работ, посвященных генезису масленичного комплекса. Образ центрального персонажа древнейших народных праздничных обрядов в работах не раскрыт и не имеет убедительной интерпретации. Отсутствуют и убедительные глубоко проработанные сведения в отношении фигурантов древнерусского пантеона.

Исследования советского периода отличаются методологической разработанностью, но в той или иной степени несут на себе отпечаток идеологии своего времени. Складывается впечатление, что в ряде случаев авторы сознательно уклонялись от разработки некоторых актуальных с научной точки зрения проблем, избегали формулировать новые концепции. Между тем, накопленный за последние десятилетия опыт позволяет внести существенные коррективы в сложившуюся в исторической науке картину русской народной обрядовой культуры. Осуществленные в последнее время синхронно-типологические изыскания выявили генетическую основу многих элементов традиционных славянских ритуалов, до сих пор остававшихся малоизученными. В этой связи некоторые выводы, сформулированные в советское время в рамках трудовой концепции, не могут в полной мере быть удовлетворительными для научного освещения проблемы.

Цель исследования – на основе собранного исторического материала выявить истоки становления и развития русских традиционных общественных и домашних обрядов, связанных с культом предков; показать роль последнего в их генетической взаимосвязи, в формировании единой народно-духовной культуры.

Задачи исследования:

- изучить сохранившиеся собранные в XIX – XX в. исторические материалы о традиционных народных календарно-праздничных и бытовых обрядах;
- выявить составные элементы этих обрядов, определить среди них общие;
- раскрыть символизм общих элементов, а также их роль и место в структуре традиционного обрядового действия;
- определить проявления в обрядовой культуре элементов культа предков и их значение в формировании содержания того или иного обряда;
- реконструировать примерный план и содержание важнейших древних традиционных обрядов, вошедших в духовную культуру русского народа.

Объект исследования – русские народные календарно-праздничные и бытовые обряды.

Предмет исследования – процесс становления и развития традиционной обрядовой культуры как составной части духовной жизни русского народа и место в этом процессе культа предков.

Хронологические рамки исследования в нашем случае являются весьма условными. Если исходить из используемых в работе источников, то нижняя временная граница определяется первым упоминанием русалий в летописной «Повести временных лет» и относится к началу XII в. Но сообщения древних

письменных источников о народных обрядах довольно редки и чаще всего поверхностны. Кроме того, необходимо оговориться, что в своем поиске мы стремимся проникнуть как можно глубже в древнейшую историю народной обрядности, в связи с чем сама попытка установить нижнюю хронологическую границу исследования вряд ли будет корректной.

Вместе с тем, основными источниками, дающими развернутую картину сохранившихся особенностей древней народной обрядовой культуры и позволяющими говорить об истоках ее формирования, стали материалы XIX—XX вв., полученные в результате фиксации наблюдений в ходе изучения русской традиционной духовной культуры.

Территориальные рамки исследования ограничены центральными губерниями европейской части России, что обусловлено спецификой сформировавшейся источниковой базы. Однако в необходимых случаях в работе использованы материалы, касающиеся обрядовых традиций населения южнорусских земель, Восточной Сибири, а также некоторых других народов.

Источниковую базу диссертационного исследования условно можно разделить на две группы. К первой следует отнести памятники древнерусской письменности. Это повествовательные источники – летописи, сочинения религиозных деятелей, богослужебные книги. В них встречаются упоминания проявлений народной обрядовой культуры. Например, летописцы, осуждая языческую обрядность, упоминают русалии; в церковной книге «Требник» (М., 1639) содержится лаконичная запись по поводу древнеславянского обычая перепрыгивания через огонь; некоторые пережитки древнейшего обряда погребения наблюдали иноземные путешественники³¹.

Более информативными являются памятники древнерусского законодательства. Среди таковых следует, прежде всего, выделить Стоглав³². Благодаря содержащимся в нем подробным и, несомненно, достоверным сведениям исследователь имеет возможность на практике применить ретроспективный сравнительно-исторический метод в исследовании восточнославянской народной обрядности.

К источникам второй группы, а именно они и явились основными для нашего исследования, нужно отнести сведения о сохранившихся древних народных обрядах, целенаправленно собранные исследователями и энтузиастами в период середины XIX—XX в. Сведения эти представляют собой описания, опубликованные в разного рода изданиях.

Началом массового сбора материалов можно считать 1847 г., когда только что образованное Русское географическое общество в Петербурге выступило с

³¹ Напр.: Повесть временных лет. М.; Л., 1950; Полное собрание русских летописей. Т.1. Лаврентьевская летопись. М., 1962; Путешествие патриарха Антиохийского Макария в Россию в половине 17 века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским / Пер. с араб. Г.А. Муркоса. М., 1898.

³² Стоглав // Российское законодательство X–XX вв. М., 1985. Т.2.

обращением ко всем интересующимся народной жизнью присылать в адрес общества соответствующие материалы. Обращение имело вид программы, живейшее участие в составлении которой принимал Н.И.Надеждин. В целях оптимизации сбора материала по губерниям были разосланы специальные опросные листы. Значительная часть поступивших на них ответов была в последствии опубликована в журнале Русского географического общества³³. Ответы на эти опросные листы в виде описаний сохранявшихся обрядов и составляют важнейший тип источника по нашей проблеме.

Неизданные рукописи были приобщены к материалам отдельного «ученого архива»³⁴ и впоследствии использованы многими исследователями, том числе В.И. Далем и А.Н. Афанасьевым.

Огромный вклад в дело накопления источникового материала по русской духовной и обрядовой культуре, кроме Русского географического общества, внесли: Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, Историко-филологическое общество при Харьковском университете, Общество истории, археологии и этнографии при Казанском университете, Научное общество им. Т.Г.Шевченко во Львове. Начиная с 1866 г. собранные ими материалы публиковались в их «Трудах», а с 1867 г. – в «Записках Русского географического общества». В 1889–1890 г.г. эти общества основывают и издают собственные журналы: «Этнографическое обозрение» в Москве и «Живая старина» в Петербурге. Представленные в журналах материалы содержат богатейшие исторические, этнографические, археологические и другие сведения и имеют важное значение, так как содержат емкие в информативном отношении данные по истории русской духовной и обрядовой традиции³⁵.

В составе этой группы источников важную часть составляют материалы, фиксирующие обрядовые традиции и опубликованные в XIX в. в русских провинциальных изданиях. Среди таковых особо отметим местные «Губернские ведомости» и «Епархиальные ведомости». В них мы находим целый ряд подробных описаний народных обычаев, верований и суеверий, народных

³³ Этнографический сборник. СПб., 1853–1864. Вып.1–4.

³⁴ См.: Зеленин Д.К. Описание рукописей ученого архива РГО. СПб., 1914–1916. Вып.1–3.

³⁵ Напр.: Ушаков Д.Н. Материалы по народным верованиям великорусов // ЭО. 1896. Вып.2–3; Малинка А.Н. Иван Купало в Черниговской губернии // ЭО. 1898. №2; Богатырев П.Г. Верования великорусов Шенкурского уезда Архангельской губернии // ЭО. 1898. Вып.4; Куликовский Г.И. Похоронные обряды Обонежского края // ЭО. 1890. Вып.1; Завойко Г.К. Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губ. // ЭО. 1914. Вып.3–4; а также: Добровольский В.Н. Календарь. Данные для народного календаря Смоленской губернии в связи с народными верованиями // Живая старина, 1898. Вып.3–4; Добровольский В.Н. Нечистая сила в народных верованиях // Живая старина. 1902. Вып.1; Зеленин Д.К. К вопросу о русалках // Живая старина. 1911. Вып.3–4.

праздников, свадебных и похоронных обрядов, бытовавших в том или ином крае³⁶.

Особый интерес представляют источники, включенные в качестве материалов к указанным трудам И.П. Сахарова, И.М. Снегирева, А.Н. Афанасьева, П.В. Шейна, Д.К. Зеленина и др.³⁷

Методологическая основа исследования. Работа базируется на сочетании различных теоретических подходов, что обусловлено общей сложностью обрядовой культуры как объекта научного изучения. Диалектико-материалистический подход позволяет выявить объективные закономерности формирования индивидуальной и общественной обрядовой культуры под влиянием природных и социально-экономических факторов. Цивилизационный подход позволяет познать ценностно-смысловое ядро культуры, помогает понять духовный мир человека, мотивацию его действий.

В основе исследования и важнейшие принципы исторической науки – научная объективность и историзм, позволяющие изучать явления истории в процессе их развития и взаимосвязи. Научная объективность предполагает всесторонний показ исследуемого явления, связанного с другими историческими реалиями, влияющими на его содержание и определяющими его сущность. Этот принцип требует максимального учета всей совокупности факторов, воздействовавших на данное явление, что позволяет опираться на факты в их истинном содержании, не искажая их и не подгоняя под созданные схемы. Принцип историзма, требуя изучения каждого явления в его развитии, позволяет реконструировать историческое прошлое в условиях существующего мировоззрения и достигнутого уровня общественного сознания.

Специфика темы предполагала использование методов сравнительно-исторического и сравнительно-типологического анализа, структурной систематизации, синтеза, ретроспективы.

Сравнительно-типологический анализ, успешно используемый в истории, этнографии, фольклористике, литературоведении, позволяет выявить в исследуемых явлениях латентные глубинные структуры. Данный метод был успешно применен Д.К. Зелениным еще в 1916 г. и актуализирован В.Я. Проппом в исследовании истории русских аграрных праздников. Системный подход позволяет рассматривать обрядовые реликты как разносторонние, сложноорганизованные явления, составляющие важнейшую сторону народной жизни. Ретроспективный метод был применен после того, как в результате проведенного синхронно-типологического анализа были решены задачи классификационного и типологического свойства. Наряду с этим применялся метод синтеза, позволяющий обобщить собранный материал, дать ему научную организацию.

³⁶ Напр., см.: Часть неофициальная // Харьковские губернские ведомости, 1887. № 4; Семик и убогий дом в Дедюхине // Пермские епархиальные ведомости. 1898. № 5.

³⁷ Особо отметим также: Забылин М. Русский народ, его обычаи обряды, предания суеверия и поэзия. М., 1990; Коринфский А.А. Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. Смоленск, 1995.

Проблематика исследования предполагает также использование целого ряда понятий. Традиционную обрядовую практику принято обозначать понятиями *обряд* и *ритуал*. Однако значение этих ключевых понятий в силу неоднозначности трактовок необходимо конкретизировать.

Согласно определению В.П.Аникина, «обряд – это традиционная передающаяся от поколения к поколению, узаконенная обычаем совокупность условных, нередко символических действий»³⁸. В работах А.К.Байбурина понятия «обряд» и «ритуал» трактуются как синонимы. По его мнению, само слово «обряд» происходит от корня «ряд». «Рядить» или «ображать» значило обсудить, договориться о чем-либо, установить то или иное житейское правило, провести праздник. В широком смысле слова обряд – это строй, порядок жизни, уклад. В родовой или сельской общине люди жили по своему укладу, или обряду, по своему обычаю. С помощью обрядов определялись и регулировались отношения, производственная деятельность людей, их досуг и развлечения. Обряды являлись средством общения и выражения коллективных эмоций, механизмом передачи социального опыта и чувственного отношения людей к природе. Понятие «ритуал», как исторически сложившаяся форма социально санкционированного символического поведения, имеющего канонизированный характер, по своему содержанию близко, хотя и не абсолютно тождественно понятию «обряд». Учитывая несущественный характер различия между указанными терминами, автор диссертационного исследования использует их как синонимы.

Еще одним понятием, имеющим важное значение в разработке проблемы, является понятие *культы*. Из многообразия определений нам наиболее близко следующее. *Культ* – совокупность способов взаимодействия с сакральным объектом, включающая в себя стандарты поведения и отношения к нему в сакральной области и в повседневности (быту)³⁹.

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе впервые была определена генетическая основа всего комплекса русского обрядового наследия. В качестве такой основы выступает культ предков и созданная для его отправления система обрядовых действий. Только выявление элементов, восходящих к данному культу, изучение их содержания и роли позволяет увидеть истоки формирования многих явлений традиционной обрядовой культуры. Автором существенно расширен круг ранее выделенных элементов русских традиционных обрядов, на основании чего предпринята попытка реконструкции древнейших славянских общественных и домашних обрядов. Привлечение данных специальных исследований в области истории, этнографии, археологии, фольклора позволило автору создать оригинальную и логически стройную концепцию генезиса, формы и содержания русских общественных и домашних обрядов.

³⁸ Аникин В.П. Русский фольклор. М., 1987. С. 75.

³⁹ См.: Энциклопедический словарь по культурологии / Отв. ред. А.Радугин. М., 1997.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что ее выводы могут быть учтены при создании обобщающих научных трудов по истории традиционной русской обрядовой культуры. Кроме того, материалы работы могут быть полезны при проведении дальнейших сравнительно-типологических и историко-генетических изысканий по обрядовым традициям других этносов, а также при разработке спецкурсов и семинаров по истории духовной культуры России.

Апробация результатов исследования. Текст диссертации обсуждался на заседании кафедры истории Южно-Уральского госуниверситета. По материалам исследования имеются публикации общим объемом 7,2 п.л.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

Во *введении* обосновывается актуальность темы исследования, выявляется степень научной разработанности проблемы, формулируются цель и задачи диссертации, определяются предмет и объект исследования, хронологические и территориальные рамки, анализируется комплекс используемых источников, раскрываются методологические принципы, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, обосновывается ее структура.

В *первой главе* «Роль культа предков в формировании русских традиционных праздничных обрядов» рассмотрены исторические истоки русской календарно-праздничной обрядовой системы, имеющей в своей основе элементы культа предков.

Народные праздники издревле сопровождались соответствующими обрядами и ритуальными действиями. Большинство из них возникло до принятия Русью христианства. После крещения Руси языческие обрядовые традиции не исчезли бесследно, т.к. являлись неотъемлемой частью жизни и быта народа. Они сохранялись на протяжении веков в виде увеселений, праздников, суеверий. Многие христианские праздники календарно совпадали с языческими, что способствовало их слиянию и объединению. Зачастую, христианская церемония содержала в себе отголоски древнейших языческих верований.

Нередко в научной литературе встречаются описания языческих традиций, сохранившихся в народных праздниках. Однако мы почти не встречаем специальных обобщающих исследований по определению истоков зарождения этих традиций, выявлению путей их эволюции. Разработку данной проблемы лучше всего проводить при комплексном рассмотрении празднований с

совершавшимися в связи с ними обрядами.

В результате проведенного сравнительно-типологического анализа выявлено, что обряды большинства русских аграрных праздников состояли из ряда стабильных элементов (слагаемых): начало обряда, чаще всего, совпадало с появлением персонажа, олицетворяющего собой праздник; персонаж мог одновременно иметь в своем облике антропоморфные и зооморфные черты; люди считали героя праздника общим родственником; в ритуале использовались маски и костюмы; обряд сопровождался пением и плясками, иногда игрой на музыкальных инструментах; в той или иной форме в обряде присутствовал мотив жертвоприношения; обязательным элементом обряда являлась коллективная ритуальная трапеза; обряд имел выраженный эротический характер; непременным элементом обряда являлось гадание в различных его формах; особое место в системе ритуала занимала вода; герой праздника обязательно являлся покровителем земледелия или скотоводства; герой обряда, в течении определенного времени находился среди людей, общался с ними, после чего его «проводили домой», причем обиталище персонажа всегда находилось за пределами жилья человека; проводы героя праздника завершались его уничтожением, путем разрывания, сжигания, затопления; все иные типы проводов представляли собой метафору данных действий; проводы персонажа праздника зачастую имели вид вульгаризированных, уничижительных похорон.

Указанные элементы в полном составе сохранились не во всех праздниках, однако, в дохристианский период славянской истории они являлись неотъемлемой частью каждого календарного обряда. Прояснить значение и глубинный смысл слагаемых календарного праздника можно в сопоставлении их с элементами генетически родственных обрядов перехода. При этом становится возможным выявить символизм не только малоизученных ритуальных проявлений календарных праздников, но и по-новому взглянуть на природу многих элементов похоронной и свадебной обрядности.

В результате проведенного анализа становится понятно, что большинство стабильных элементов похоронной и свадебной обрядности нашли свое отражение в русских аграрных праздниках, а именно: аграрные праздники проходили по тому же сценарию, что и похоронные и свадебные обряды; костюм персонажа календарного обряда имеет много общего с одеждой покойника и невесты; музыкальная тема является неотъемлемой частью свадебного, похоронного и календарного обрядов; мотив гадания, присутствовавший в структуре практически всех рассмотренных календарных праздников, имел место и в прощальных церемониях; заключительные этапы календарного и похоронного обрядов совпадают в деталях. Заметим, что почти полное отсутствие примеров придания персонажа праздника земле объясняется несоответствием такого способа захоронения древнеславянской похоронной традиции.

Итак, можно сделать вывод, что герой календарного праздника будь то Коляда, Масленица, Кострома, Ярило или др., по существу, является олицетворением умерших предков.

Выявленные слагаемые русских аграрных праздников представляют собой сохранившиеся со времен языческой древности элементы культовых обрядов, основанных на ритуальном общении коллектива с предками.

Глава вторая «Культе предков в истории развития бытовых обрядовых традиций» состоит из трех параграфов.

В *первом параграфе* «Элементы культа предков в русской строительной обрядности» рассматривается строительство жилища с сопутствующими ему верованиями и ритуалами и проявлением в них культа предков. В обычаях строительства сохранились архаичные элементы, свидетельствующие об основных мировоззренческих представлениях древних людей.

В традиционном обществе жилище является одним из ключевых символов культуры. С понятием дом в той или иной мере были соотнесены все важнейшие категории картины мира у человека. Стратегия поведения строилась принципиально различно, в зависимости от того, находился ли человек дома или вне его пределов. Жилище имело особое структурообразующее значение для выработки традиционных схем пространства. В своих мировоззренческих представлениях люди отождествляли жилище и семью, дом и социальную организацию. Начиная строительство нового дома, человек приступал не просто к сооружению здания, а к созданию нового микрокосмоса, основанного на полном соответствии культурным традициям. Исследователями, историкам и этнографами, зафиксировано большое количество суеверий, относящихся к началу строительства. Причем суеверия эти носят, главным образом, строжайший запретительный характер.

Уяснив роль культа предков в формировании обрядности русских календарных праздников, легче понять символизм и значение генетически схожих ритуалов, совершаемых при строительстве жилья. Для этого их необходимо сравнить в формальном и содержательном плане.

Началом взаимодействия людей с предками в строительном обряде следует считать момент установки на месте возводимого дома (обязательно внутри будущего сруба) строительного дерева, либо поименного приглашения к участию в ритуале лично никому не знакомых персонажей. Имеющиеся примеры указывают на необходимость хронологического увязывания сроков начала строительства с Троицей, общепринятым в России временем поминовения покойников. Это свидетельствует о стремлении славян привлечь предков к созданию дома.

Обряды, совершаемые при строительстве дома, условно можно разделить на два основных типа. Первый – это ритуалы, смыслом которых являлось обеспечение родовой преемственности. Второй тип обрядов был направлен на истребование у предков материального благополучия для семьи, чей дом строится.

Обряды строительства строго регламентировались и должны были

исполняться неукоснительно. В структуре строительной обрядности символическое присутствие предков носит двойственный характер. В одном случае мы видим символическое включение основателя рода в комплекс самого дома, причем его ритуально-ролевая позиция имеет неактивный характер. В другом случае предки присутствуют в обряде условно активно, но только в период его проведения. С момента начала строительства человек как бы вступал в особые отношения с умершими предками. Граница между миром людей и миром мертвых символически нивелировалась. Общение с предками происходило по тому же сценарию, что и во время рассмотренных календарных праздников и базировалось на двух составляющих – жертвоприношении и ритуальной трапезе.

Хотя по структуре календарные и строительные обряды сходны, в системе строительного ритуала есть одно важное качественное отличие. На определенном этапе каждого из обрядов бездеятельное присутствие прародителей не может в полной мере отвечать сценарию театрализованного действия. Как решение данной проблемы следует рассматривать появление в структуре календарного праздника округника, в чьи обязанности входит изображение героя или героев ритуала. Иначе решается эта проблема в строительной обрядности. За исключением редких случаев (приглашение из числа селян Ивана да Марьи) символические предки не обретают активных антропоморфных качеств и соответствующего ролевого воплощения. Возможность взаимодействия с предками обеспечивается введением в ритуал жреца в лице плотника. Именно возможность его самостоятельной активности в рамках особого статуса позволяет мифическим предкам оставаться в пределах неодушевленного символа.

Организация обрядового общения, на календарных праздниках характеризуется свободным обоюдонаправленным поведением. В строительной обрядности активность носит одностороннюю направленность и определяется формулой: "члены отдельной семьи в награду за жертвоприношение предкам получают от них через посредника предметы, символизирующие материальное благополучие". В данном случае отсутствие обрядовой активности мифических предков в системе строительного ритуала компенсируется деятельной ролью жреца-плотника.

Плотники были задействованы на всех стадиях строительства, и именно от них зависело правильное проведение каждой фазы сакрального действия. Обращает на себя внимание двойственный характер вознаграждения плотников, состоящий с одной стороны из денег, с другой из продуктов и вина. Можно предположить, что первая часть, являлась оплатой за работу плотнику-мастеру, а вторая предназначалась плотнику-жрецу. Генезис натурального вознаграждения строителя является более древним и сложным по сравнению с денежным. Его изначальной символической составляющей следует считать не вознаграждение жреца, а ритуальное кормление предков. Неслучайно благополучие вселившейся в дом семьи напрямую зависело от щедрости хозяев к плотникам на еду и угощение. Подтверждают такое предположение и

описанные примеры повторного приглашения обиженных строителей в дом для устранения возникших в семье неприятностей. В этом случае всегда упоминается устройство хозяевами подобающего угощения для плотников и лишь иногда – дополнительная денежная плата.

Параграф второй «Отражение культа предков в верованиях, связанных с домашним очагом». Представления о незримом присутствии в доме предков нашли отражение, прежде всего, в бытовых суевериях в отношении *домового*. Вера в домового была распространена повсеместно в России. Суеверные убеждения о домовом неразрывно связаны домашним очагом. Это обусловлено традиционными славянскими представлениями о жреческой роли старшего мужчины в доме.

В пользу отождествления домового с предками свидетельствуют многочисленные факты. Особо нужно отметить его старость. В источниках домового описывается, как персонаж преклонного возраста. Другой важной чертой, указывающей на принадлежность этого персонажа к предкам, является его забота о благополучии хозяйства. Такие взаимоотношения человека и мифологического персонажа ставят последнего в особое положение среди прочих представителей «нечистой силы». В народном представлении домового считался персонажем доброжелательным, однако, при определенных обстоятельствах он мог быть опасным. Его отношение к человеку зависело от соблюдения или игнорирования обычаев, связанных с домом или порядком семейной жизни. Важными являются упоминания о схожести домового с хозяином дома. Это прямо указывает на *родство* данного персонажа с людьми, проживающими в доме. Крайне интересны свидетельства о внешнем соответствии домового живому, но временно отсутствующему члену семьи, как правило, мужчине. В данном случае мы имеем дело с мотивом *отсутствия* в ритуально-мифологическом смысле. Изолированность от дома и коллектива, в соответствии с традиционными представлениями, была равнозначна исключению человека из общества. Скорее всего, отчужденность какого-либо члена семьи от сферы освоенного в бытовом и социальном плане была равносильна исключению из числа живых.

Формирование суеверий и обрядов в отношении домового, олицетворяющего предков, относится к периоду разложения родовой организации и усилению роли отдельной семьи. Основанием для складывания комплекса домашней обрядности, имеющей в своей основе элементы почитания предков, является зарождение в общине горизонтальной социальной дифференциации, связанной с выделением семьи в отдельный дом со своим очагом.

В *третьем параграфе* «Значение культа предков в развитии обрядности, связанной водой», рассматривается сложный комплекс народных представлений о водной стихии.

Мифологические представления, зародившиеся во времена глубокой древности, эволюционировали вместе с этносом, органически впитавшись в его

духовную культуру. Среди них особое место занимают суеверия в отношении воды, а также мифологические персонажи, связанные с нею.

Вода в языческом бытовом мировоззрении представлялась стихией потустороннего мира, источником, дающим жизнь и забирающим ее. Люди испытывали страх перед водной стихией и свое отношение к ней строжайше регламентировали. Нарушение установленных правил, по народным представлениям, грозило несчастьем. Более того, запреты, за нарушение которых людям грозила болезнь или смерть, главным образом, связаны с водой, либо с зеркалом, символизирующим ее.

Суеверия в отношении воды были связаны с представлениями о так называемых заложных покойниках, т.е. людях, умерших неестественной смертью, захороненных не по существующему обряду, а также живых, но проклятых людях. Народным воображением они причислялись чаще всего к русалкам. Обряды, посвященные русалкам, проводились на Семик – день поминовения заложных покойников и состояли из тех же элементов, что и календарные праздники, основанные на культуре предков.

Неприятие населением похорон заложных по христианскому обычаю объясняется не негативным отношением к умершим неестественной смертью, а несоответствием захоронения тела в земле древнейшей похоронной традиции

Несмотря на то, что обряды, совершаемые в отношении русалки, определенно указывают на ее близость или даже идентичность заложным покойникам, в науке до сих пор не сложилось единого мнения по поводу происхождения данного персонажа. Причина в том, что согласно народным убеждениям русалки *живут* рядом с человеком в лесу, поле, вблизи водоема, а это противоречит общепринятым представлениям о мертвых как обитателях иного мира. Однако данное противоречие устраняется, если принять во внимание специфику мировоззрения древнего человека, воспринимавшего окружающий мир через призму «освоенное – неосвоенное». Фактор культурного освоения территории играл важнейшую роль в формировании мифологических представлений. В соответствии с древнеславянскими представлениями, член общины после смерти не покидал земной мир, а только исключался из сообщества живых. Он присоединялся к предкам, которые всегда находились рядом, слившись воедино с окружающей природой. Таким образом, в соответствии со славянскими языческими представлениями смерть имела относительный характер.

Итак, в основании русских бытовых обрядов, связанных с водой лежит языческий культ предков. Элементы этого культа хорошо сохранились в обрядах, связанных с заложными покойниками и русалками. Формирование мифологических представлений и суеверных убеждений вокруг водной

субстанции, несомненно, относится к самому раннему этапу развития человечества.

В *заключении* подводятся общие итоги исследования, даются выводы об истоках формирования народной обрядовой культуры и роли в этом процессе древнейшего культа предков.

В результате изучения культурно-исторического наследия, воплощенного в древних праздниках, обычаях и ритуалах, можно сделать вывод о том, что формирование русской обрядовой культуры происходило под влиянием множества факторов, однако важнейшим из таковых следует признать фактор *социально-культурного освоения территории*.

Расселенность на огромной территории зачастую изолированными анклавами привела к формированию у восточных славян специфического взгляда на окружающий мир и место в нем человека. Известно, что отношение к природе через призму «освоенное-неосвоенное» является типичным и универсальным для всех древних народов. Можно с уверенностью утверждать, что пока этносом до определенной степени не освоен ареал своего естественно-географического обитания, отношение к окружающему миру продолжает определяться формулой «земной, освоенный – не освоенный в социально-культурном плане». Любые природные явления, необъяснимые для древнего человека, схематически можно изобразить так: *сверхъестественные, но земные*. То есть древние люди, разумеется, верили в сверхъестественную природу многих явлений окружающего мира, таких, например, как гроза, но относили их к неосвоенной области земного мира.

Анализируя сохранившиеся исторические описания проявлений русской обрядовой культуры можно сделать вывод, что важнейшей составляющей язычества восточных славян являлся *культ предков*, основанный на ритуальном общении между живыми и мертвыми. Важным представляется то обстоятельство, что согласно славянским языческим представлениям, член общины после смерти не покидал земной мир, а только исключался из социума. По нашему мнению, в соответствии с традиционными мифологическими представлениями, вплоть до принятия христианства славянами загробный мир не считался неземным. Человек после смерти преодолевал символическую границу, которая всегда имела территориальное воплощение. При внимательном рассмотрении древнеславянских представлений о границе между мирами можно выделить два основных ее типа. В одном случае это макротерриториальная граница, характерная для социума в целом; в другом – микротерриториальная, применимая в отношении каждой отдельно живущей семьи. Макротерриториальная граница символически отделяла область, не освоенную в социально-культурном отношении. Таким местом обычно считались лес, поле, река и т.д. Микротерриториальная граница отделяла собственно жилье человека

от остального мира. Проходила она, как правило, по окну, колодцу, порогу, печной трубе и даже по полу.

Таким образом, согласно мировоззренческим представлениям славян, предки после смерти хотя и покидали живых, но все же продолжали находиться рядом, слившись воедино с окружающей природой.

Общение славян с предками осуществлялось в соответствии с традиционными представлениями о границе, отделяющей область освоенную в социально-культурном плане от неосвоенной. Оно происходило на двух основных уровнях: общинном (макросоциальном), во время календарных праздников, и семейном (микросоциальном), при проведении обрядов связанных с домашним очагом и строительством жилья.

Древнеславянские обряды, связанные с культом предков, представляли собой совокупность стабильных элементов, структурно-функциональный статус которых определялся смысловой направленностью каждого конкретного ритуала. Содержание обряда, порядок его совершения могли незначительно варьироваться в зависимости от комбинаций этих элементов, однако в целом *ритуальное общение* проходило в рамках единого сценария.

К обрядовым элементам исключительно макросоциального уровня можно отнести массовые игрища, наполненные эротическим содержанием, ритуальным плачем, смехом и др. Смысловая направленность этих слагаемых календарных праздников определяется мотивами плодородия, возрождения жизни, относительности смерти и находится в неразрывной связи с трудовой деятельностью человека, его земледельческими интересами.

Обряд макросоциального уровня, характеризующийся обоюдонаправленным поведением сторон, когда участники делились на две группы: первые изображали предков, вторые – самих себя. Момент начала общения определялся преодолением той или другой группой участников символической границы, разделяющей мир живых и мертвых. Обрядовое действие могло совершаться как внутри макротерриториальной границы социума, так и за ее пределами. Используемые для изображения предков маски и костюмы содержали в себе символику инакости, старости, плодородия, а также имели зооморфные черты. Общение сопровождалось пением, причитанием, плясками, часто игрой на музыкальных инструментах. Обязательно имевший место мотив жертвоприношения выражался, главным образом, в ритуальном кормлении (одаривании) предков особыми поминальными блюдами. Непременным элементом обрядов являлось гадание в различных его формах. Как правило, прародители изображались под предводительством основного персонажа, в отношении которого совершалось большинство обрядовых действий. Данный персонаж мог изображаться, в виде человека, животного или лиственного дерева. Его половая принадлежность отличается крайней противоречивостью.

Персонаж одновременно мог изображаться с гипертрофированными мужскими атрибутами и иметь женское имя. Символизм заключительного этапа обрядов обусловлен мотивом проводов (похорон) предков в область своего постоянного пребывания, при этом основной персонаж уничтожался путем разрывания, сжигания, затопления.

Итак, рассмотренные русские календарные праздники основываются на культуре предков и состоят из ряда *стабильных* элементов. Выявленные слагаемые праздников, представляют собой сохранившиеся со времен языческой древности элементы культовых обрядов, основанных на ритуальном общении коллектива с предками. Олицетворением умерших предков являлся герой праздника, который мог называться по-разному: Коляда, Масленица, Ярило и т.д. Общение основывалось на жертвоприношении, совместной ритуальной трапезе и происходило без участия жрецов, что свидетельствует о древнейшем генезисе культовых обрядов. Поразительная живучесть аграрных обрядов объясняется тем, что на протяжении тысячелетий они неразрывно были связаны с трудовой деятельностью человека, его земледельческими интересами.

Специфика обрядов семейного (микросоциального) уровня обусловлена общим усложнением ритуала в связи с появлением в его структуре символов-заместителей, а также жреца.

В строительных обрядах сохранилось значительное количество элементов, свидетельствующих о необходимости привлечения предков к процессу создания дома. Общение начиналось с установления на месте будущего дома лиственного дерева, символизирующего собой предков, либо приглашения Ивана и Марьи. Важнейшей чертой обряда является *жертвоприношение*, однако, если во время аграрных праздников данный мотив выражался в одаривании колядующих, то при возведении дома еда вручалась плотникам. Нельзя не упомянуть о *гадании* как неотъемлемом элементе строительных обрядов. *Трапеза*, на которой живые ели вместе с мертвыми, также являлась важнейшей *составляющей* микросоциального ритуала. В продолжение всего времени пока длился обряд, предки находились среди живых. На заключительном этапе они обязательно *удалялись* из комплекса дома.

Строительные обряды можно разделить на два типа. Первые – это ритуалы, смыслом которых являлось обеспечение родовой преемственности, вторые были направлены на истребование у предков материального благополучия для семьи, чей дом строится.

В строительной обрядности символическое присутствие предков носит двойственный характер: в одном случае основателя рода символически включали в комплекс самого дома, причем его ритуально-ролевая позиция имеет

неактивный характер; в другом случае предки присутствуют в обряде условно активно, но только в период его проведения.

Общение с предками происходило по тому же сценарию, что и во время рассмотренных календарных праздников и базировалось на двух составляющих – жертвоприношении и ритуальной трапезе.

В строительной обрядности принцип общения определяется более сложной формулой: "члены отдельной семьи в награду за жертвоприношение предкам получают от них через посредника в лице плотника предметы, символизирующие материальное благополучие".

Комплекс русской домашней обрядности корнями восходит к ритуалам общинным и является в историческом плане менее древним. Хронологически его появление должно было совпадать с периодом ослабления родовой организации и усиления роли отдельной семьи. Основание для появления собственно семейных обрядов, по всей вероятности, возникает тогда, когда в общине зарождается горизонтальная социальная дифференциация, связанная с выделением семьи в отдельный дом со своим очагом. Представления о незримом присутствии в доме предков нашли отражение в бытовых суевериях в отношении *домового*.

В пользу отождествления домового с предками свидетельствуют: его старость, внешнее сходство с людьми, проживающими в доме, заботливое отношение к хозяйству, агрессивное отношение к человеку, игнорирующему обычаи и устои семейной жизни.

Суеверные убеждения о домовом неразрывно связаны с домашним очагом. Это обусловлено традиционными славянскими представлениями о жреческой роли старшего мужчины в доме.

Анализ суеверий в отношении домового позволяет сделать вывод о том, что, согласно мировоззрению древних славян, изолированность человека от коллектива бала равнозначна исключению его из числа живых.

Формирование суеверий и обрядов, связанных с домовым, олицетворяющим предков, также относится к периоду разложения родовой организации и усилению роли отдельной семьи.

Вода в языческом мировоззрении представлялась стихией потустороннего мира, источником, дающим жизнь и забирающим ее. Суеверия в отношении воды связаны с мифологическими представлениями о русалках – покойниках, не похороненных по христианскому обычаю, а также живых, но проклятых людях. Неприятие населением похорон заложенных по христианскому обычаю объясняется, скорее всего, несоответствием захоронения тела в земле древнейшей похоронной традиции.

Обряды, связанные с водой, состояли из тех же элементов, что и календарные праздники, основанные на культуре предков. В соответствии с

древнеславянскими представлениями, член общины после смерти не покидал земной мир, а только исключался из социума. Он присоединялся к предкам, которые всегда находились рядом, слившись воедино с окружающей природой. Таким образом, смерть имела относительный характер.

Итак, специальное исследование показало, что становление и развитие рассмотренных народных календарно-праздничных и бытовых обрядов происходило под влиянием культа предков, элементы которого составляют общую основу древней традиционной обрядовой культуры.

По теме диссертации опубликованы следующие работы (объем 7,2 п.л.)

1. Бредихин А.И. Древние бытовые верования и обряды русского народа, связанные с водной стихией. (К истории формирования) // Культура и искусство в памятниках и исследованиях: Сб. науч. тр. — Челябинск: Изд-во Южно-Уральск. гос. ун-та., 2001. — С.135—150.
2. Бредихин А.И. К истории происхождения и эволюции обрядности народных календарных праздников // Культура и искусство в памятниках и исследованиях: Сб. науч. тр. — Челябинск: Изд-во Южно-Уральск. гос. ун-та., 2001. — С.151—188.
3. Бредихин А.И. Из истории зарождения и развития русской народной обрядовой культуры: Учебное пособие. — Челябинск: Изд-во Южно-Уральск. гос. ун-та., 2002. — 62 с.